

ЕВРОПЕЙСКОЕ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
(вторая половина XVII – первая четверть XVIII вв.)

Е.А. Григорьева

Проблема соотношения обозначенных направлений в российской внешней политике наиболее наглядно может быть рассмотрена на примере периода, начавшегося со второй половины XVII в. Действительно, если европейская линия этой политики существовала со времен Киевской Руси и в конце XVII – начале XVIII вв. лишь продолжала поступательно развиваться, то дальневосточное, точнее, китайское ее направление, начало оформляться лишь с 50-х гг. XVII в.

Основные составляющие европейской политики второй половины XVII в. хорошо известны: это русско-польская война 1654–1667 гг., борьба со Швецией и Турцией. Общеизвестно, что по результатам этих многочисленных войн были подписаны: Кардисский мир со Швецией (1661 г.), по которому все ливонские приобретения России возвращались Швеции; Андрусовское перемирие (1667 г., а затем так называемый «Вечный мир») с Польшей, по которому Правобережная Украина (кроме Киева) и Белоруссия оставались под властью Речи Посполитой; Бахчисарайский договор (1681 г.) с Турцией, не давший удовлетворительного для России решения территориальных вопросов, а потому скоро нарушенный самой Россией. Иными словами, достижения и успехи российской внешней политики и дипломатии в данном направлении были весьма спорны.

Изначально по-иному складывались отношения с Китаем. Долгосрочных и изнурительных войн против Цинской империи Россия, как известно, не вела, но уже первые визиты русских представителей в Цинскую империю (посольство Ф.И. Байкова — 1654 г., торговые поездки П. Ярыжкина, С. Аблина, И. Перфильева — конец 50–60-х гг. XVII в., миссия И. Милованова — 1671 г.) очертили изначальный круг спорных вопросов в начинающихся отношениях сторон. Главными из них стали: признание государствами статусов друг друга, обоюдное проникновение в Приамурье (и естественно возникавший вопрос о принадлежности здешних территорий и ясачного населения), развитие торговли. Тогда же, в ходе посольского и торгового общения, начали проявляться взаимное непонимание и неприятие каждой из сторон модели политических отношений, которая предлагалась соседом. Для Цинской империи в силу сложившейся здесь традиции единственно возможной была схема «сюзерен-вассал», в то время как Россия могла согласиться лишь на равноправную форму отношений. Это противостояние получило свое завершение в ходе посольства Н.Г. Спафария (1676 г.). Логичным продолжением означенных противоречий стала так называемая «Албазинская война» (1686 г.), а закономерным ее результатом — Нерчинский мирный договор (1689 г.). Подчеркнем, что по нему Россия уступала Цинской империи обширнейшие земли по левому берегу р. Амур.

Итак, сопоставление вышеупомянутых событий показывает, что:

1. Между политикой российского правительства в Европе и на Дальнем Востоке во второй половине XVII в. вряд ли существовала очевидная связь.

2. Эта связь не прослеживается не только в силу отдаленности рассматриваемых регионов друг от друга и не из-за отсутствия точек соприкосновения между ними, но и потому, что китайское направление политики России находилось на тот момент в стадии формирования.

3. По сути, межгосударственные конфликты и на Западе, и на Востоке диктовались одной потребностью — поиском территориально-торговых ресурсов, столь необходимых для становившейся империей России.

4. И там, и здесь Россия не терпела сокрушительных поражений, но и не одерживала столь необходимых ей широкомасштабных побед.

Таким образом, к рубежу XVII–XVIII вв. перед Россией по-прежнему стояли актуальные задачи выхода к морям, присоединения территорий, а также развертывания торговли со странами и запада, и востока.

Петровская эпоха переориентировала как отдельные стороны российской жизни, так и развитие страны в целом. Данный тезис, безусловно, справедлив и в отношении внешней политики. Она заметно активизировалась по всем направлениям. Достаточно вспомнить Азовские походы Петра I, второй из которых увенчался взятием Азова (1696 г.) и подписанием выгодного для России Константинопольского мира (1700 г.); «Великое посольство» (1697–1698 гг.) в Европу, где удалось найти союзников для борьбы со Швецией; и, наконец, Северную войну с ее победоносной Полтавой (1709 г.) и Ништадтским миром (1721 г.).

Значительные сдвиги произошли и на китайском направлении международной российской политики. На протяжении первой четверти XVIII в. заметно активизировались торговые отношения с Китаем. В период с 1698 г. по 1718 г. торговые караваны, отправка которых осуществлялась в соответствии с Нерчинским договором, ходили в среднем с частотой один раз в два года; постепенно, но неуклонно росли прибыли от китайской торговли; в Цинскую империю отправлялись как неофициальные (И. Идес — 1693 г.), так и официальные (Л.В. Измайлов — 1719 г.) представители; в Россию прибыло первое (не только в истории российско-китайских связей, но и вообще за все время отношений Китая с европейскими странами) посольство из Поднебесной; наладилась более или менее регулярная пограничная переписка; в Пекине открылась российская духовная миссия.

Отдельно заметим, что наиболее острые проблемы прежних отношений (особенно вопросы дипломатического ритуала и соотношения статуса двух государств) тщательно обходились, в первую очередь, российской дипломатией. Достаточно вспомнить хотя бы то, что в грамотах, готовившихся для цинского императора Канси, Петр I своей рукой вместо «правителю» написал «императору», добавив: «Понеже на латинском языке тоже значит... а будет приятнее»¹. Более того, свою подпись Петр поставил без указания собственного титула — просто «Петр», приказав своему посланцу в вопросах этикета повиноваться воле принимающей стороны.

Даже беглое знакомство с фактами показывает: лично Петр I проявлял к китайским делам гораздо больший интерес, чем его предшественники на посту первого лица государства. Так, по царскому указу 1697 г., частным купцам было разрешено направляться в Цинскую империю только в составе казенных караванов, причем им разрешалось «торговать всем, опричь соболями и черными лисицами»².

Иными словами, ценнейшие виды пушнины объявлялись товарами казенной монополии³. Позже, в 1706 г., специальным указом царь, пытаясь устранить конкуренцию казенной торговле, вообще запретил посылать с караванами частную пушнину. В 1711 г. Петр I в указе о первоочередных делах, порученных Сенату, отдельным пунктом отмечал: «Торг китайский, сделав компанию, отдать»⁴. Лаколичное замечание Петра было развернуто Сенатом в обширный «приговор» об организации торговли с Цинской империей.

Процесс упорядочения российско-китайских экономических связей, превращение торговых караванов из разового в регулярное, заранее планируемое мероприятие государственного уровня заставляли правительство заботиться о чисто бытовой стороне проблемы: строительстве дворов и амбаров, пресечении деятельности бухарцев-перекупщиков, разведке новых, более коротких и удобных путей в Цинскую империю (указы 1700, 1708, 1712 гг.)⁵. Наконец, будучи заинтересованным в поддержании добрососедских отношений с Китаем, петровское правительство стремилось к нормализации пограничных отношений с Цинской империей. В 1705, 1706, 1709 гг. издаются указы, запрещающие русским купцам самовольные поездки в Китай, не только потому, что государство теряло известные суммы на неуплаченных пошлинах, но и по причине нежелательности пограничных ссор с китайцами.

Объективное потепление отношений, с одной стороны, подчеркнутая уступчивость русских в формальных вопросах, с другой, привели к подписанию Кяхтинского договора (1727 г.). По мнению большинства историков, договор этот был выгодным и справедливым, как в смысле раздела территорий (новое разграничение проводилось на равноправной юридической основе), так и в плане ведения торговли. Кроме того, соглашение определяло нормы отношений двух стран почти на полтора столетия (в отличие от Нерчинского договора, просуществовавшего менее 40 лет), что, кстати, говорит о работоспособности и приемлемости норм, заложенных Кяхтинским трактатом.

Подчеркнем, что подписание документа стало не следствием ведения военных действий, а результатом мирного процесса активизации и структурирования отношений, инициированных Санкт-Петербургом.

Сопоставление процессов развития российско-китайских и российско-европейских отношений начала XVIII в. указывает, на наш взгляд, на ряд обстоятельств:

1. Европейская политика России с приходом Петра I изменилась более по форме, чем по сути. Конечно, петровские реформы были направлены на «европеизацию» страны, но цели государства в отношении стран Европы оставались прежними — борьба за территории и выход к морю. Да и механизмы достижения задуманного не изменились — главным из них продолжала оставаться война.

2. Китайское направление внешней политики России претерпело более заметную эволюцию. Отношения изменились качественно: конфронтация сменилась потеплением, сопровождавшимся структурной перестройкой отношений.

3. И в Европе, и на Дальнем Востоке российская дипломатия сумела добиться значительных для страны успехов.

Анализ выявленных обстоятельств ставит некоторые вопросы. Например, была ли эта успешность на том и другом направлениях простым совпадением или ре-

зультатом петровских внутренних реформ и общего изменения положения России в мире? Или между этими направлениями существовала более тесная связь?

На наш взгляд, причина пристального внимания Петра к российско-китайским отношениям вообще и китайскому торгу в частности очевидна. С 1698 г. (когда был отправлен первый казенный караван С. Лянгусова) российско-китайская торговля становилась предприятием прогрессирующе прибыльным. Позволим себе привести некоторые цифры. Поездка Г.А. Осолокова в 1706 г. принесла российской казне 77 068 рублей 10 алтын 5,5 деньги общей прибыли, торговые операции И.П. Саватеева в 1710 г. — 223 550 рублей 19 алтын 2 деньги, казенный караван Р.П. Худякова 1712 г. расторгнулся на 261 778 рублей 25 алтын 4 деньги⁶.

В нашем распоряжении, к сожалению, нет архивных дел, где прямо указывались бы статьи расходов, покрывавшихся за счет прибылей от китайского торгова. Тем более трудно (если вообще возможно) отыскать документ, который констатировал бы, что зарабатываемые на торговле с Китаем деньги казна расходовала на шедшую в то время войну со Швецией. Тем не менее попробуем представить значимость этих денег для весьма напряженного в этот период российского бюджета.

Прибыли, полученные от торговой экспедиции 1710 г. в Китай, покрывали 6 % всех годовых расходов Петра I. Они же позволяли закрыть половину всего бюджетного дефицита страны за 1710 г. Доход от поездки 1712 г. мог обеспечить всю деятельность тогдашнего российского Генерального штаба на протяжении двух с половиной лет. Только три каравана (1706, 1710, 1712 гг.) в совокупности принесли средства, равные почти 20 % общих годовых расходов на полное содержание сухопутной армии и флота (300 тысяч человек) воюющего Российского государства⁷.

Итак, изложенное в целом позволяет считать, что внешняя политика Петра I являлась более целостной и комплексной, чем ее оценивает большая часть отечественных исследователей. Во всяком случае ее направления, рассмотренные в данном контексте, не просто были связаны друг с другом, но и влияли друг на друга. Поставленное в условия жесткой необходимости поиска материальных ресурсов для разрешения неотложных задач государства российское внешнеполитическое ведомство вынуждено было идти на сближение с Китаем, торговля с которым играла заметную роль в формировании бюджета. Это сближение было неразрывно связано с отступлением России от прежних жестких установок в области ритуала, титулования, реализуемых во второй половине XVII в. Оно диктовало необходимость нормализовать состояние пограничных, административных и других вопросов. Все это неизбежно стимулировало эволюцию собственно российско-китайских отношений, причем эволюция эта одним из главных своих результатов имела подписание Кяхтинского соглашения, которое, по общему признанию, являлось справедливым и взаимовыгодным. Китайское направление, таким образом, позволяло отчасти решать задачи, стоявшие на западном направлении. А это, в свою очередь, способствовало качественному изменению отношений с Цинской империей. Иными словами, потребность в решении насущных задач внешней политики на западе стимулировала поиск правительством дополнительных материальных средств. Последнее подталкивало процесс нормализации российско-китайских отношений. Дефицит материальных ресурсов и потребность его ликвидации способствовали, таким образом, более тесному развитию отношений двух государств, их народов в направлении мирной эволюции и сотрудничества.

Проблема ресурсов стала составной частью формирования достаточно своеобразной и неординарной политики России в отношении Китая. А формы ее реализации, предложенные Санкт-Петербургом, предотвратили столкновение россиян и китайцев в процессе развития двусторонних отношений.

Примечания

1. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. В 2-х томах. Т. I. М., 1978. Док. 139. С. 181.
2. *Трусевич Х.* Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882. С. 90.
3. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 115.
4. Русско-китайские отношения... Док. 63. С. 120.
5. ПСЗ. Собрание первое. Т. IV. СПб., 1830. С. 59–61; Письма и бумаги Петра Великого. Т. XII. Вып. 1. М., 1975. С. 412.
6. Русско-китайские отношения... Док. 41. С. 98.
7. Подсчитано по: *Ключевский В.О.* Сочинения в 8 томах. Т. IV. М., 1958. С. 68–69, 128.